

Революционный катехизис

Михаил Бакунин

1866 г.

1. *Отрицание наличности действительного, внемирового личного бога, а посему и всякого откровения и всякого божественного вмешательства в дела мира и человечества. Уничтожение служения божеству и его культа.*

2. *Заменяя культ божества уважением и любовью к человечеству, мы провозглашаем: человеческий разум единственным критерием истины, человеческую совесть основой справедливости, индивидуальную и коллективную свободу единственной создательницей порядка в человечестве.*

3. *Свобода* есть абсолютное право всех взрослых мужчин и женщин не искать чьего-либо разрешения на свои деяния, кроме решения своей собственной совести и своего собственного разума, определяться в своих действиях только своей собственной волей и, следовательно, быть ответственными лишь ближайшим образом перед ними, затем перед обществом, к которому они принадлежат, но лишь постольку, поскольку они дают свое свободное согласие принадлежать к таковому.

4. Неправда, что свобода одного гражданина ограничивается свободой всех остальных. Человек действительно свободен лишь в той мере, в какой его свободно признанная свободной совестью всех остальных и как в зеркале в нем отражающаяся и излучающаяся из него свобода находит в свободе других подтверждение и расширение в бесконечность. Человек действительно свободен только среди равным образом свободных людей, и так как он свободен лишь в своем качестве человека, то рабство хотя бы одного-единственного человека на земле является как нарушение самого принципа человечности, отрицанием свободы всех.

5. *Свобода* каждого может, таким образом, найти осуществление только при равенстве всех. Осуществление свободы в правовом и фактическом равенстве является *справедливостью*.

6. Существует только один-единственный догмат, один-единственный закон, одна-единственная моральная основа для людей — *свобода*. Уважать свободу ближнего есть *обязанность*; любить его, служить ему есть *добродетель*.

7. *Безусловное исключение всякого принципа авторитета и государственной необходимости.*

Человеческое общество, которое при своем зарождении было естественным фактом, предшествовавшим свободе и пробуждению человеческой мысли, и позднее стало религиозным фактом, организованным по принципу божественного и человеческого авторитета, должно сегодня получить новый образ на основе свободы, которая отныне должна стать единственным образующим принципом его политической и экономической организации. Порядок в обществе должен быть равнодействующей всех местных, коллективных и индивидуальных свобод, достигших возможно высшей степени развития.

8. Следовательно, политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к периферии, по принципу единства и вынужденной централизации, но *снизу вверх и от периферии к центру*, по принципу свободной ассоциации и федерации.

9. *Политическая организация.* Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и политической организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое, безусловно лишенное всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет еще большее значение, стало бы в противоречие с самим принципом свободы. *Но все же имеются существенные, абсолютные условия*, вне которых практическое осуществление и организация свободы будут всегда невозможны.

Эти условия следующие:

а) *Радикальная отмена всякой официальной религии и всякой привилегированной или даже только охраняемой, оплачиваемой и поддерживаемой государством церкви.* Безусловная свобода совести и пропаганды для каждого с неограниченной возможностью для каждого воздвигать своим богам, каковы бы они ни были, сколько ему угодно храмов и оплачивать и содержать священников своей религии.

б) Церкви, рассматриваемые как религиозные корпорации, не будут пользоваться ни одним из прав, предоставляемых продуктивным ассоциациям, они не могут ни наследовать, ни иметь какое-либо принадлежащее общине имущество, за исключением их домов или молитвенных учреждений, они не могут ни в каком случае заниматься воспитанием детей, ибо их единственная жизненная цель есть систематическое отрицание морали и свободы и доходное волшебство.

с) *Отмена монархии. Республика.*

д) *Отмена классов, рангов, привилегий и всякого рода различий. Безусловное уравнивание в политических правах мужчин и женщин. Всеобщее право голоса.*

е) *Отмена, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство опекающего главенствующего, централистического государства, являющегося двойником и другим «я» церкви и тем самым постоянным источником обеднения, отупения и порабощения народов. Как естественное следствие, упразднение всех государственных университетов, причем забота об общественном образовании должна быть возложена исключительно на общины и свободные ассоциации; отмена государственного суда, причем все судьи должны*

избираться народом; отмена, имеющая силу в настоящее время в Европе гражданских и уголовных кодексов, ибо все они вдохновляются одинаково культом бога, государства, религиозно или политически освященного семейства и собственности и противоречат общечеловеческому праву, а кодекс свободы может быть создан только самой свободой. Упразднение банков и всех остальных кредитных учреждений государства. Упразднение всякого центрального управления, бюрократии, постоянного войска и государственной полиции.

f) Непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам.

g) Внутренняя реорганизация каждой страны с безусловной свободой индивидов, производительных ассоциаций и общин, как исходной точкой и основой.

h) Индивидуальные права. 1) Право каждого отдельного мужского или женского существа пользоваться со дня своего рождения до своего совершеннолетия полным содержанием, охраной, защитой, воспитанием и обучением за счет общества во всех общественных школах, низших, средних и высших, профессиональных, обучающих искусству и наукам. 2) Равное право каждого на совет и в пределах возможности на помощь со стороны общества в начале своего жизненного пути, каковой каждый достигший совершеннолетия будет избирать свободно; затем общество, объявившее его абсолютно свободным, уже не будет иметь какого-либо дальнейшего авторитетного наблюдения за ним и сложит с себя всякую дальнейшую ответственность за него, причем на обществе остается лишь обязанность по отношению к нему уважать его свободу и в случае нужды защищать таковую. 3) Свобода каждого совершеннолетнего индивида, мужчины или женщины, должна быть полной и безусловной; свобода передвижения, свобода громко высказывать всякое свое мнение, быть ленивым или прилежным, неморальным или моральным — одним словом, по своему усмотрению распоряжаться своей личностью и своим имуществом, не отдавая в этом никому отчета; свобода честно жить собственным трудом или позорной эксплуатацией благотворительности или личного доверия, раз последние добровольны и оказываются взрослым лицом. 4) Неограниченная свобода всякого рода пропаганды путем речей, печати, в общественных и частных собраниях, без всякой другой узды, налагаемой на эту свободу, кроме благотворной естественной мощи общественного мнения. Безусловная свобода союзов и соглашений, не исключая тех, которые по своей цели будут неморальны или казаться таковыми, и даже тех, целью которых было бы извращение и разрушение индивидуальной и общественной свободы. 5) Свобода может и должна обороняться только свободой и опасным противоречием, и бессмыслицей является посягать на нее, под вводящим в заблуждение своей кажущейся истинностью предлогом защиты ее, ибо мораль не имеет другого источника, другого побуждения, другой причины и другой цели, кроме свободы, а так как она сама не что иное, как свобода, то все налагаемые на свободу в защиту морали ограничения обращаются во вред морали. Психология, статистика и вся история доказывают нам, что индивидуальная и социальная имморальность всегда была следствием дурного общественного и домашнего воспитания и отсутствия или извращения общественного мнения, которое существует, развивается и морализуется только благодаря

свободе, и прежде всего была следствием ошибочной организации общества. Опыт учит нас, говорит знаменитый французский статистик Кеттле, что общество всегда подготавливает преступления, и преступники только необходимые орудия для выполнения их. Поэтому бесполезно противопоставлять социальной имморальности строгость вторгающегося в индивидуальную свободу законодательства. Опыт учит нас, напротив, что авторитарная репрессивная система не только не кладет предела преступности, но все глубже и шире развивает ее в странах, зараженных ею, и что общественная и частная мораль всегда падала или повышалась в меру ограничения или расширения личной свободы и что, следовательно, чтобы сделать современное общество моральным, мы должны начать прежде всего с радикального разрушения всей этой, основанной на неравенстве, привилегиях, божественном авторитете и презрении к человечеству, политической и общественной организации, и когда мы перестроим ее заново на основах полнейшего равенства, справедливости, труда и воспитания, опирающегося на разум и вдохновляемого лишь уважением к человеку, мы должны поставить ее под охрану общественного мнения и вложить в нее душу безусловнейшей свободы. 6) Однако общество не должно оставаться совершенно безоружным перед лицом паразитирующих, злостных и вредных субъектов. Так как работа должна стать основой всех политических прав, то общество, нация, провинция или община могут каждая, в пределах своей компетенции, отнять эти права у тех взрослых лиц, которые, не будучи ни инвалидами, ни больными, ни старыми, живут за счет общественной или частной благотворительности, с обязательством восстановить их в их правах, как только они опять начнут жить собственным трудом. 7) Так как свобода каждого человеческого существа неотчуждаема, то общество никогда не потерпит, чтобы кто-нибудь юридически продал свою свободу или как-либо иначе распорядился ею по контракту в пользу какого-либо другого лица иначе, как на основах полнейшего равенства и взаимности. Однако оно будет не в состоянии помешать тому, чтобы мужчина или женщина, совершенно лишенные чувства личного достоинства, стали к другому лицу и без контракта в отношения, носящие характер добровольного рабства, но оно будет рассматривать таких лиц как живущих за счет частной благотворительности и, следовательно, лишит их пользования политическими правами *на все время такого рабства*. 8) Все лица, утратившие политические права, теряют равным образом право воспитывать своих детей и иметь их при себе. 9) В случае нарушения свободно принятых на себя обязательств или в случае открытого и доказанного посягательства на собственность, личность и в особенности на свободу гражданина своей страны или иностранца общество налагает на местного или чуждого гражданина, совершившего проступок, наказание, положенное по местным законам. 10) Безусловная отмена всех позорящих и жестоких наказаний, телесного наказания и смертной казни, поскольку закон одобряет и приводит в исполнение таковые. Отмена всех наказаний, имеющих неопределенную или слишком долгую длительность, не оставляющих никакой надежды, никакой возможности реабилитации, ибо преступление должно рассматриваться как болезнь и наказание скорее как лечение, чем как возмездие со стороны общества. 11) Каждый, осужденный по законам какого-либо общественного союза, нации, провинции или общины, получит право не подчиниться наложенному на него наказанию, если он заявит, что не желает больше принадлежать к этому обществу. В таком случае по-

следнее будет иметь право, с своей стороны, изгнать его из своей среды и объявить его стоящим вне его гарантии и его защиты. 12) Строптивый, который при этих условиях вновь подпадает под действие естественного закона, око за око, зуб за зуб, может быть ограблен, оскорблен, даже убит, по крайней мере на занимаемой этим обществом территории, причем обществу не будет до этого никакого дела. Каждый может от него отделаться, как от вредного животного, но ни в коем случае он не смеет поработить его, использовать его как раба.

i) *Права ассоциаций.* Кооперативные рабочие ассоциации представляют новое явление в истории; мы присутствуем ныне при их рождении и можем в настоящую минуту только предчувствовать то огромное развитие, которое им, без всякого сомнения, предстоит, и те новые политические и общественные отношения, которые из них возникнут, но ближе определить их мы не можем.

Возможно и даже весьма вероятно, что в один прекрасный день они, перешагнув за границы общин, провинций и даже современных государств, даруют всему человеческому обществу новый строй, причем последнее будет уже делиться не на нации, а на различные промышленные группы, организованные согласно потребностям производства, а не политики. Это дело будущего. Что нас касается, то теперь мы можем выставить только следующий безусловный принцип: *все ассоциации, какая бы ни была их цель, равно как и все индивиды, должны пользоваться безусловной свободой.* Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация — не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели — религиозной, политической, научной, промышленной, художественной или даже в целях взаимного развращения и эксплуатации людей беспечных и глупых, при условии, что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения. Но общество имеет обязанность и право отказать в общественной гарантии, юридическом признании и политических и гражданских правах каждой ассоциации, как коллективу, которая по своим целям, своим программам и своим уставам будет противоречить началам, положенным в основу его строя, и все члены которой не находятся на положении полнейшего равенства и взаимности, причем оно не имеет, однако, права лишить самих членов сказанной выше гарантии и прав только на основании их участия в незаконных через такую общественную гарантию ассоциациях. Разница между законными и незаконными ассоциациями будет, таким образом, заключаться в следующем: ассоциации, признанные коллективными юридическими лицами, будут по этому самому иметь право приносить общественным судам жалобы на все другие законные ассоциации в случае нарушения каких-либо принятых по отношению к ним обязательств. Непризнанные юридически ассоциации не будут иметь этого права как коллективы, но они не могут в этом случае и нести какой-либо юридической ответственности, ибо все их обязательства должны быть признаны не имеющими силы в глазах общества, не санкционировавшего их коллективное бытие, причем, однако, ни один из их членов не освобождается тем от взятых им на себя индивидуальных обязательств.

j) Деление страны на области, провинции, уезды и общины или на департаменты и коммуны, как во Франции, будет, естественно, зависеть от положения, исторических привычек, потребностей данного времени и особых обстоятельств, в которых

находится та или другая страна. Здесь необходимы только два общих и обязательных основных положения для всякой страны, которая хочет серьезно организовать свою свободу. *Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять по меньшей мере хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция.* В противном случае община, в тесном смысле этого слова, будет всегда слишком слаба, чтобы сопротивляться равномерно и деспотически централизующему давлению государства, чем каждая страна по необходимости приводится к деспотическому режиму французской монархии, как мы это дважды видели на примере Франции, ибо деспотизм всегда имел свои корни скорее в централизующей организации государства, чем в постоянном естественном предрасположении королей к деспотии.

к) Основой политической организации страны должна быть *безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей, мужчин и женщин на равных правах.* Никакая власть не имеет права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, ее действия и ее управление. Она назначает и сменяет путем голосования всех служащих, правителей и судей и распоряжается без всякого контроля своим имуществом и финансами. Каждая община будет иметь безусловное право создать, независимо от какого-либо высшего утверждения, свое собственное законодательство и свой собственный внутренний строй. Но чтобы войти в провинциальную федерацию и стать интегральной частью провинции, она должна безусловно согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию парламента этой провинции. Она должна также подчиняться приговорам провинциального суда и предписываемым провинциальным правительством мероприятиям по отношению к ней, раз таковые санкционированы голосованием провинциального парламента. В противном случае она была бы исключена из гарантии, солидарности и общения и стала бы вне закона провинции.

л) *Провинция не имеет права быть ничем, кроме свободной федерации автономных общин. Провинциальный парламент, состоящий или из одной-единственной палаты, представителей всех общин, или из двух палат, представителей общин и представителей всего населения провинции, независимо от общин, — этот провинциальный парламент, который не будет вмешиваться во внутреннее управление общинами, установит основные положения провинциальной конституции, которые должны быть обязательными для всех общин, желающих принять участие в провинциальном парламенте.* Эти основные положения, составляющие предмет настоящего катехизиса, перечислены в статье II. На этих положенных в основание началах парламент вырабатывает провинциальное законодательство, объемлющее обязанности и права лиц, ассоциаций и общин, а также наказания за нарушение таковых, причем общинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ; при этом необходимы стремление к действительному, живому единству, а не к однообразию, и вера в то, что еще более тесное единство принесут с собой опыт, время, развитие совместной жизни, собственное разумение и потребности общин, одним словом — свобода, но ни в каком случае не принуждение или насилие со стороны провинциальной власти,

ибо даже истина и справедливость становятся, если они насильственно навязаны, неправдой и ложью. Провинциальный парламент установит конституцию федерации общин, их права и обязанности как таковые и по отношению к парламенту, суду и правительству провинции. Он голосует законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей провинции или связанные с решениями национального парламента, не теряя никогда из виду автономии провинций и автономии общин. Не вмешиваясь во внутреннее управление общин, он устанавливает долю их участия в национальных и провинциальных сборах. Община сама распределяет эту повинность между всеми работоспособными и взрослыми жителями. Парламент контролирует, наконец, действия, одобряет или отвергает предложения *провинциального правительства*, которое, естественно, всегда является выборным. *Провинциальный суд*, также выборный, выносит безапелляционное решение по всем делам между лицами и общинами, ассоциациями и общинами и является первой инстанцией по всем делам между общинами и правительством или провинциальным парламентом.

т) *Нация не может быть ничем иным, как федерацией автономных провинций. Национальный парламент, состоящий или из одной палаты, представителей всех провинций, или из двух палат, представителей провинций и представителей всего национального населения безотносительно к провинциям, этот национальный парламент, который не будет вмешиваться в управление и во внутреннюю политическую жизнь провинций, установит основные принципы национальной конституции, которые должны быть обязательными для всех провинций, желающих принять участие в национальном соглашении.* Эти основные положения перечислены в статье II. На основании их национальный парламент выработает национальную конституцию, от которой провинциальные конституции могут отклоняться во второстепенных пунктах, но отнюдь не в основных положениях. Он выработает *конституцию федерации провинций*, будет голосовать все законы, распоряжения и мероприятия, вытекающие из потребностей всей нации, определять все сборы и распределять их по провинциям, которым останется задача распределить таковые по общинам. Он будет, наконец, контролировать все действия *национальной исполнительной власти*, всегда избираемой на время, и принимать или отвергать ее предложения. Он заключает союзы между нациями, решает вопросы мира и войны и один имеет право, всегда на определенный срок, распорядиться набором национальной армии. Правительство будет только исполнительным органом его воли. *Национальный суд* выносит безапелляционные решения по всем делам между лицами, ассоциациями и общинами и провинцией, а также по всем спорам между провинциями. В случаях возникновения споров между провинциями и государством, подлежащих разрешению того же суда, провинции могут принести апелляционную жалобу в *интернациональный суд*, если таковой будет учрежден.

п) *Интернациональная федерация* будет обнимать все нации, которые объединились на ранее изложенных и имеющих быть изложенными ниже основаниях. Весьма вероятно и крайне желательно, когда снова настанет час великой революции, чтобы все народы, ставшие под стяг народного освобождения, протянули друг другу руку для заключения прочного и тесного союза против коалиции стран, которые станут под начало реакции. Этот союз образует сначала ограниченную федерацию, являясь как бы зародком всеобщей федерации народов, которая в будущем должна охватить

весь земной шар. Интернациональная федерация революционных народов с парламентом, судом и правящим комитетом, которые все интернациональны, естественно будет основана на принципах самой революции. В применении к международной политике эти принципы следующие: 1) Каждая страна, каждый народ, большой он или маленький, слабый или сильный, каждая область, провинция или община обладают абсолютным правом располагать своей собственной судьбой, определять свое существование, сами избирать себе союзы, которые они желают заключить, соединяться и расходиться по собственному желанию и согласно своим потребностям, не считаясь с так называемыми историческими правами и политическими, коммерческими или стратегическими потребностями государств. Чтобы объединение частей в одно целое было подлинным, плодотворным и могучим, оно должно быть безусловно свободным. Оно должно являться исключительно результатом местной, внутренней потребности и взаимного притяжения частей; единственными же судьями этих потребностей и этого взаимного притяжения могут быть лишь сами части. 2) Полная отмена так называемого исторического права и ужасного права завоевания, ибо таковые противоречат принципу свободы. 3) Абсолютное отрицание политики расширения, славы и могущества государства, — политики, которая обращает каждую страну в крепость, исключаящую из своей среды все остальное человечество и тем вынужденную смотреть на себя до известной степени как на все человечество, становиться самодовлеющей, самоорганизоваться внутри себя, как отдельный мир, независимый от человеческой солидарности в целом, и искать свое благоденствие и славу в том зле, какое она наносит другим народам. Страна-завоевательница по необходимости представляет внутри страну поработленную. 4) Слава и величие народа заключаются единственно в развитии его человечности; мерилom его мощи, единства и удельного веса его внутренней жизнеспособности может служить единственно степень его свободы. Если за основу взять свободу, то необходимо придешь к единству; от единства же трудно и, пожалуй, невозможно прийти к свободе. Когда же в этом случае к ней приходят, то происходит это лишь путем разрушения образовавшегося внутри свободы единства. 5) Благополучие и свобода как народов, так и отдельной личности абсолютно солидарны, отсюда — абсолютная свобода торговли, деловых сношений и передвижения между объединенными в федерацию странами. Упразднение границ, отмена паспортов и таможен. Каждый гражданин входящей в федерацию страны должен пользоваться всеми гражданскими правами во всех других странах той же федерации и иметь возможность легко приобрести в них все политические права и права гражданства. 6) Так как свобода всех, как отдельных личностей, так и коллективов, солидарна, то ни один народ, провинция, община и ассоциация не могут быть подвергнуты притеснению без того, чтобы это не угрожало свободе всех остальных и чтобы они не почувствовали этой угрозы. Каждый за всех и все за каждого — вот священный принцип *интернациональной федерации*. 7) Ни одна страна, входящая в федерацию, не должна иметь постоянной армии, и в ней не должно быть такой организации, благодаря которой солдат отделялся бы от гражданина. Постоянные армии и солдатчина — источники разорения, разврата, отупения и тирании внутри страны, и к тому же они являются угрозой благополучию и независимости всех других стран. Каждый здоровый гражданин должен в случае нужды становиться солдатом для защиты своего очага или свободы.

Национальная оборона должна быть организована в каждой стране по общинам и провинциям приблизительно так, как это сделано в Соединенных Штатах Америки или в Швейцарии. 8) *Интернациональный парламент*, состоящий из одной палаты представителей всех народов или из двух палат, из коих одна состоит из вышеуказанных представителей, а другая из непосредственных представителей всего населения федерации без различия национальности, этот *федеральный парламент* составит интернациональный договор и установит федеральное законодательство, развивать и дополнять которое в соответствии с требованиями времени он один уполномочен. Единственное назначение *интернационального суда* заключается в том, чтобы в качестве высшей инстанции разрешать споры между государствами и их провинциями. Возможные же разногласия между отдельными федеративными государствами могут разрешаться лишь в первой и последней инстанции интернациональным парламентом, который тоже безапелляционно решает все вопросы общей политики, а также и вопросы войны против реакционной коалиции от имени революционной федерации. 9) Ни одно из федеративных государств не может вести войну против другого федеративного государства. Раз интернациональный парламент вынес свое решение, государство, против которого вынесено это решение, должно подчиниться. Если оно этого не сделает, то все остальные государства, входящие в федерацию, должны порвать с ним федеральные отношения, поставить его вне федерального закона, солидарности и федерального общения и, в случае нападения на них с его стороны, солидарно вооружиться против него. 10) Все государства, принадлежащие к революционной федерации, должны принимать деятельное участие во всякой войне, какую придется вести одному из них с не принадлежащим к федерации государством. Прежде чем объявить войну, каждое федеральное государство должно о том заявить парламенту и лишь тогда ее объявить, когда интернациональный парламент найдет, что имеется достаточный повод к войне. В таком случае исполнительная федеральная директория берет в свои руки дело обиженного государства и требует именем всей революционной федерации немедленного удовлетворения от нападающего чуждого государства. Если же парламент придет к заключению, что в данном случае ни нападения, ни действительной обиды не произошло, то он посоветует государству, принесшему жалобу, не затевать войны и заявит ему, что если оно тем не менее вздумает воевать, то ему придется вести эту войну одному. 11) Надо надеяться, что со временем входящие в федерацию государства откажутся от разорительной роскоши отдельного представительства и будут довольствоваться одним федеральным дипломатическим представительством. 12) *Ограниченная интернациональная революционная федерация* по отношению к народам, которые захотели бы впоследствии к ней примкнуть, должна оставаться открытою на основе идей и воинствующей, активной солидарности революции, как мы ее здесь изложили, никогда никому и ни при каких условиях не делая уступок в отношении этих принципов. Следовательно, в федерацию могут войти лишь те народы, которые примут принципы, перечисленные в статье II.

10) *Социальная организация*. Без *политического равенства* не может быть действительной политической свободы, но политическое равенство будет лишь тогда возможным, когда установится равенство экономическое и социальное.

а) Равенство не означает ни уравнивания индивидуальных различий, ни интеллектуального, морального и физического тождества индивидов. Это разнообразие способностей и сил, эти различия расы, национальности, пола, возраста среди людей вовсе не составляют социального зла, а, напротив, представляют богатство человечества. Экономическое и социальное равенство в равной мере вовсе не обуславливает равенства личных состояний, поскольку они являются результатом способности, производительной энергии и бережливости отдельных лиц.

б) Равенство и справедливость требуют лишь одного, а именно: *такого устройства общества, чтобы каждое человеческое существо при своем появлении на свет нашло в нем, поскольку это зависит не от природы, а от общества, одинаковые средства для развития в детстве и в юношеском возрасте до полной возмужалости, сначала в отношении своего воспитания и образования, а позднее для упражнения своих сил, которыми природа наделила каждого человека для работы.* Это равенство в исходной точке, которая требует справедливости для всякого, окажется невозможным до тех пор, пока существует право наследования.

в) Справедливость и достоинство человека требуют, чтобы *каждый был сыном лишь собственных своих дел.* Мы с негодованием отвергаем догмат первородного греха, наследственного позора и ответственности. С той же последовательностью должны мы отвергнуть мифическую наследственность добродетели, ложную наследственность почестей и прав, а также и *наследственность* имущества. Наследник какого-нибудь имущества уже не является сыном своих дел и в отношении исходной точки оказывается в привилегированном положении.

г) *Отмена права наследования.* До тех пор, пока будет существовать это право, будут продолжать существовать, если не по праву, то по крайней мере на деле, наследственные различия классов, положений, имущества — словом, социальное неравенство и привилегии. А фактическое неравенство по закону, присущее человеческому обществу, всегда приводит к неравенству юридическому; социальное неравенство обязательно приводит к неравенству политическому. А без политического равенства, как мы говорили, не может быть свободы в общем, человеческом, истинно демократическом смысле этого слова: общество продолжало бы распадаться на две неравные части, из которых одна, неизмеримо большая, охватывающая всю массу народа, терпела бы притеснение и эксплуатацию другой. Следовательно, *право наследования противостоит победе свободы;* и если общество хочет сделаться свободным, оно должно его отменить.

д) Оно должно его отменить, ибо это право, основанное на фикции, само противоречит принципу свободы. Все личные, политические и социальные права связаны с действительной, живой личностью. После смерти существует лишь фиктивная воля лица, уже не существующего и утесняющего во имя смерти живых. Если умерший дорожит выполнением своей воли, то пусть же сам придет и выполнит ее, если может; но он не имеет права требовать, чтобы общество предоставило в распоряжение его ничтожества всю свою власть и свои права.

е) Законная и серьезная задача права наследования всегда заключалась в том, чтобы обеспечить грядущим поколениям средства развиваться и становиться зрелыми людьми. А потому право наследовать будет иметь лишь фонд воспитания и общественного обучения, с обязательством заботиться о равном уходе, воспитании и

обучении для всех детей от их рождения до совершеннолетия и полной их свободы. Таким путем все родители в равной мере будут успокоены относительно судьбы своих детей, а так как равенство всех является одним из основных условий нравственности каждого, а привилегии служат источником безнравственности, то все родители, любовь которых к детям благоразумна и служит не тщеславию их, а сознанию человеческого достоинства, даже если бы они могли оставить своим детям наследственную долю, которая поставила бы их в привилегированное положение, предпочтут для них режим полного равенства.

g) По устранении неравенства, вытекающего из права наследования, все же сохраняется, хотя и в значительно меньшей силе, неравенство, вытекающее из различия природных способностей, сил и производительной энергии отдельных личностей, — различие, которое хотя никогда окончательно не исчезнет, однако постепенно будет ослабевать под влиянием основанного на равенстве воспитания и социальной организации и которое, впрочем, с отменой права наследования никогда уже не будет ложиться бременем на грядущие поколения.

h) *Труд* — основа достоинства человека и его права, ибо лишь свободным разумным трудом творит человек цивилизованный мир, сам, как творец, отвоевывая у внешнего мира и у собственной животной природы свое человеческое естество и свое право.

Клеймо бесчестия, наложенное на идею труда в античном мире и в феодальном обществе, еще и доньше не вполне смытое, несмотря на все фразы о достоинстве труда, которые ежедневно повторяются на все лады, имеет два источника: прежде всего характерное убеждение древних, которое и в наши дни имеет тайных приверженцев, будто для того, чтобы дать части человечества возможность гуманизироваться при посредстве науки, искусства, правотворчества и правоосуществления, необходимо, чтобы другая его часть, и естественно гораздо более многочисленная, посвятила бы себя физическому труду в качестве рабов. Этот основной принцип античной цивилизации был причиной ее крушения. Городская община, развращенная и дезорганизованная привилегированной праздностью граждан и, с другой стороны, подточенная незаметной и медленной, но упорной деятельностью этого обездоленного мира рабов, который, несмотря на свое рабство, спасительным действием труда, хотя и подневольного, был морализован и сохранен в его первобытной силе, — эта античная городская община пала под ударами варварских народов, к которым эти рабы большей частью и принадлежали по рождению. Христианство, эта религия рабов, разрушило позднее античное неравенство лишь для того, чтобы создать новое; привилегия божьей милости и богоизбранничества [в соединении с] неравенством, по необходимости возникшим из права завоевания, снова разделила на два лагеря человеческое общество: на смердов и дворянство, на подвластных и на господ; последние получили в удел благородное военное ремесло и ремесло управления, в то время как на долю крепостных оставалась лишь работа, на которую смотрели не только как на унижительную, но и как на проклятую. Та же причина вызвала неизбежно то же следствие: мир дворянства, обессиленный и деморализованный привилегией праздности, пал в 1789 году под ударами крепостных возмущенных рабочих, объединившихся и могучих. Тогда была провозглашена свобода труда, его правовая реабилитация. Но лишь правовая, ибо фактически труд по-прежнему уни-

жен и порабощен. Первый источник этого порабощения, содержащийся в догмате политического неравенства людей, был засыпан великой революцией; поэтому современное презрение к труду приходится приписать второму источнику, который заключается не в чем ином, как в разделении между *умственным и физическим трудом*, постепенно развившимся и продолжающим существовать и поныне; оно воспроизводит в новой форме античное неравенство и снова делит социальный мир на два лагеря: *меньшинство*, ныне *привилегированное* не по закону, а по капиталу, и *большинство рабочих по принуждению*, принуждаемых ныне уже не несправедливым преимуществом, предоставляемым законом, а голодом. Действительно, в наше время достоинство труда теоретически признается, и общественное мнение считает, что позорно жить без труда. Но так как человеческий труд, рассматриваемый в целом, распадается на две части, из коих одна, как всецело умственная, признается исключительно почетной, заключая в себе искусства, мышление, концепцию, изображение, исчисление, управление и общее, а также частное руководство трудом, другая же лишь физическое выполнение, которое через экономический и социальный закон разделения труда ограничивается чисто механической деятельностью без мысли и идеи, — при этих обстоятельствах привилегированные хозяева капитала, в том числе и люди, по своим личным способностям менее всего к этому призванные, овладели первой категорией труда и предоставили вторую народу. Отсюда проистекают три великих зла: одно для привилегированных капиталов, второе для народных масс и третье, вытекающее из двух предыдущих, для продукции, благосостояния, справедливости и умственного и морального развития всего общества. Зло, от которого страдают привилегированные классы, заключается в следующем: взяв себе при распределении социальных функций наиболее удобную их часть, они начинают занимать в умственном и моральном мире все менее и менее значительное место. Бесспорно, что для развития ума, науки и искусства известный досуг необходим; но такой досуг надо заслужить, он должен следовать за здоровым утомлением от дневного труда, как заслуженный отдых, который должен зависеть лишь от большей или меньшей степени энергии, способности и доброй воли отдельного лица и быть предоставлен обществом всем без исключения и в равной мере. Между тем всякое свободное время, предоставляемое по привилегии, несколько не укрепляет ума, но расслабляет, деморализует и убивает его. Вся история учит нас, что, за редкими исключениями, привилегированные, благодаря богатству и званию, классы всегда были наименее продуктивными в умственном отношении, а величайшие открытия в области науки, искусства и промышленности были в большинстве случаев сделаны людьми, которые в юном возрасте были вынуждены зарабатывать себе пропитание тяжелым трудом. Человеческая природа так устроена, что возможность дурного всегда порождает это дурное и что нравственность отдельного человека в гораздо большей степени зависит от условий его жизни и от его среды, чем от его собственной воли. В этом отношении, как, впрочем, и во всех остальных, закон социальной солидарности неумолим, так что, если желаешь поднять мораль людей, надо не столько заботиться об их совести, сколько о социальных условиях их существования, и, как для отдельного человека, так и для общества, нет лучшего средства поднять нравственный уровень, как свобода при полнейшем равенстве. Посадите самого искреннего демократа на трон; если он немедленно его не покинет, то непременно

сделается отъявленным негодяем. Человек, рожденный аристократом, если он по счастливой случайности не возненавидит своего звания и не будет стыдиться своего дворянства, неизбежно будет тщеславным и ничтожным, вздыхающим о прошлом, бесполезным для настоящего и яростным противником будущего. Точно так же и буржуа, баловень капитала и привилегированного досуга, будет проводить свободное время в праздности, разврате и кутежах или использует капитал и досуг как страшное оружие для еще большего порабощения класса трудящихся и вызовет в конце концов против себя революцию, более ужасную, чем революция 1793 года.

Еще легче определить то зло, от которого страдает народ; он работает на других, и работа его — без свободы, досуга и умственной деятельности — тем самым делается недостойною и унижает, подавляет и убивает его. Он вынужден работать на других, ибо, рожденный в нищете, без воспитания и разумного обучения, морально порабощенный религиозными влияниями, он оказывается брошенным в жизнь, безоружным, лишенным авторитета, без инициативы и собственной воли. Вынужденный голодом с самого раннего возраста зарабатывать себе жалкий кусок хлеба, он должен продавать свою физическую силу, свой труд на самых суровых условиях и даже не думает, да и не имеет к тому материальной возможности, потребовать иных условий. Под давлением нужды и отчаяния он иногда подымает восстание, но без единства и силы, сообщаемых мыслью, плохо руководимый большей частью предаваемый и продаваемый своими вождами, почти всегда в полном неведении, против которого из своих страданий ему направиться, часто нанося свои удары в ложном направлении, он, по крайней мере до сих пор, терпел неудачу в своих возмущениях и, утомленный бесплодной борьбой, снова впадал в прежнее рабство. Это рабство будет длиться до тех пор, покуда капитал, стоя вне совокупной деятельности рабочих сил, будет их эксплуатировать и покуда образование, которое в хорошо организованном обществе должно было бы быть равномерно распространено на всех, развивает интеллект только привилегированного класса и тем предаст в его руки всю умственную область труда, оставляя народу лишь грубое применение его порабощенных физических сил, всегда обреченных выполнять идеи, которые принадлежат не ему. Благодаря такому несправедливому и пагубному извращению труд народа становится чисто механическим, напоминающим труд рабочего скота, и, обесщеченный и презираемый, естественно лишается всякого права. Отсюда проистекает для общества огромное зло как в политическом, так и в умственном и моральном отношении. Меньшинство, пользующееся монополией науки, само, в результате такого преимущества, бывает поражено и в уме, и в сердце в такой степени, что от избытка знаний глупеет; ибо нет ничего вреднее и бесплоднее, как патентованная и привилегированная интеллигентность. С другой стороны, народ, совершенно лишенный науки, подавленный повседневным, механическим трудом, который скорее его притупляет, чем развивает его природные интеллектуальные способности, лишенный света, который указал бы ему путь к его освобождению, — народ напрасно надрывается над своей принудительной работой, и так как численное превосходство всегда на его стороне, то он всегда является угрозой существованию самого общества.

Поэтому представляется необходимым, чтобы ныне несправедливое разделение работы умственной и работы физической было иначе организовано. От такого

разделения сильно страдает сама экономическая продуктивность общества: интеллект, оторванный от физического труда, становится невозможным, засыхает, вырождается, в то время как физическая работа, оторванная от ума, тупеет, и в таком искусственном разъединении ни одна из обеих частей не производит и половины того, что они могут и должны произвести, когда, объединенные в новом социальном синтезе, обе станут единой производительной деятельностью. Когда человек науки будет работать, а человек труда будет думать, интеллигентный и свободный труд будет почитаться лучшим украшением и похвалой человека, основой его достоинства, его права, проявлением его человеческой мысли на земле — и тогда человечество обретет свое устройство.

к) *Интеллигентный и свободный труд по необходимости будет ассоциированным трудом.* Свободному выбору каждого будет представлено объединяться с другими в труде или нет; но не подлежит сомнению, что, за исключением работ, связанных с воображением, самая природа которых требует сосредоточения в себе интеллекта отдельного лица, во всех промышленных и даже научных и художественных предприятиях, допускающих сотрудничество, все будут предпочитать совместную работу по той простой причине, что последняя самым удивительным образом приумножает продуктивность труда каждого отдельного человека и что каждый член и сотрудник производительного объединения гораздо больше заработает с гораздо меньшей затратой времени и труда. Когда эти свободные производительные объединения уже не будут рабами, а в свою очередь станут хозяевами и владельцами необходимого им капитала, будут видеть в своей среде, в качестве сотрудников, наряду с рабочими силами, освобожденными благодаря всеобщему образованию, все специальные силы интеллекта, необходимые для каждого предприятия; когда они, объединившись между собою, всегда свободно, в соответствии со своими потребностями и наиболее подходящим для себя образом, переступив рано или поздно через национальные границы, образуют огромную экономическую федерацию; когда стоящий во главе ее парламент, располагая столь же всеобъемлющим, как и подробным, и точным статистическим материалом, какой в наши дни не может существовать, комбинируя спрос и предложение, будет направлять, устанавливать и распределять между отдельными странами производство мировой промышленности, так чтобы уже не было или почти не было ни торговых, ни промышленных кризисов, вынужденной остановки производства, катастроф и нужды и потери капитала, — тогда человеческий труд, источник свободы всех и каждого, возродит мир к новой жизни.

l) *Земля со всеми ее естественными богатствами — собственность всех, но обладать ею будут те, кто ее обрабатывает.*

m) Женщина, по своей природе отличная от мужчины, но не уступающая ему ни в чем, трудолюбивая и свободная как мужчина, будет провозглашена равной во всех политических и социальных правах, а также во всех политических и социальных функциях и обязанностях.

n) Упразднение не семьи естественной, а семьи *легальной*, основанной на гражданском законе и праве собственности. Церковный и гражданский брак заменяется *браком свободным*. Два взрослых лица разного пола имеют право по собственному желанию, согласно своим интересам и сердечным потребностям, соединяться и расходиться без того, чтобы общество имело право препятствовать их союзу или против

их желания поддерживать его. Ввиду отмены права наследования и обеспечения обществом воспитания детей исчезают все доводы, которые до сих пор обычно приводятся в пользу политического и гражданского освящения нерасторжимости брака, и союз полов должен быть предоставлен полной свободе, которая и в этом случае, как и во всех других, является необходимым условием искренней нравственности. В свободном браке муж и жена должны в равной мере пользоваться безусловной свободой. Ни сила страсти, ни раньше добровольно предоставленные права не должны служить извинением для нападения одной стороны на свободу другой — всякое насилие в этом направлении должно рассматриваться как преступление.

о) За все время беременности вплоть до рождения ребенка женщина имеет право на поддержку со стороны общества, которая выплачивается не за счет матери, а за счет ребенка; мать, кормящая и воспитывающая своих детей, имеет равным образом право получать от общества возмещение ее расходов по содержанию их и оплату труда, который она несет ради них.

р) Родителю будет предоставлено право оставить детей у себя и заняться их воспитанием под опекой и высшим надзором общества, которое всегда будет иметь право и обязанность отнять детей у родителей, если только последние дурным примером, неправильным обучением или грубым, бесчеловечным обращением могут деморализовать детей или помешать их развитию.

q) Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу, они принадлежат сами себе и своей будущей свободе. Как дети, до достижения ими возраста свободы, они находятся лишь в состоянии потенциальной свободы и должны поэтому подчиняться режиму *авторитета*. Родители являются их естественными опекунами, это правда; однако *законный и верховный их опекун* — общество, право и обязанность которого — заниматься ими, ибо его собственная будущность зависит от того интеллектуального и морального руководства, какое преподадут детям, а взрослым общество может дать свободу лишь при том условии, что оно будет наблюдать за воспитанием несовершеннолетних.

г) *Школа должна заменять церковь* с той огромной разницей, что, в то время как церковь в своей религиозно-воспитательной деятельности преследует лишь одну цель — увековечить режим человеческого несовершеннолетия и так называемого божественного авторитета, воспитание и образование, даваемое школой, имеет, напротив, лишь ту цель, чтобы дать детям, по достижении ими совершеннолетия, действительное освобождение, так что и воспитание, и образование будут не чем иным, как постепенным, последовательным посвящением в свободу через тройное развитие: физических сил, ума и воли детей. Разум, истина, справедливость, уважение к человеку, сознание собственного достоинства, солидарно и неразрывно связанного с человеческим достоинством других, любовь к свободе для себя и для всех других, культ труда как основы и условия всякого права, презрения к неразумию, лжи, несправедливости, трусости, рабству и праздности — вот те начала, которые должны быть положены в основу общественного воспитания. Оно сперва должно образовать людей, затем рабочих, — специалистов и граждан, а по мере приближения детей к зрелому возрасту начало авторитета должно, естественно, все более и более уступать свое место в воспитании началу свободы, дабы юноши, достигшие зрелости к тому времени, когда закон делает их свободными, успели позабыть, как

в детстве ими руководило и над ними властвовало что бы то ни было иное, чем свобода. Уважение к человеку, этот зародыш свободы, должно оставаться налицо даже при самых суровых и безусловных проявлениях авторитета. Все моральное воспитание заключается в следующем: внушайте детям это уважение, и вы из них сделаете людей.

По окончании начального и среднего образования дети, сообразно их способностям и склонностям, будут выбирать, по совету и разъяснению, но не по принуждению старших, высшее или специальное учебное заведение. Одновременно каждый должен изучать теоретически и практически наиболее привлекательную для него отрасль промышленности, а деньги, заработанные им за время ученичества, он получит по достижении совершеннолетия.

s) Юноша, достигший совершеннолетия, объявляется свободным и становится безусловным хозяином своих поступков. В возмещение забот, проявленных по отношению к нему во время его детства обществом, последнее потребует от него трех вещей: чтобы он остался *свободным*, чтобы он *жил своим трудом* и чтобы он *уважал свободу других*. А так как преступление и пороки, от которых страдает современное общество, являются исключительно продуктом плохой социальной организации, то можно быть уверенным, что при организации и воспитании, основанных на разуме, справедливости, свободе, уважении к человеку и полном равенстве, добро станет правилом, в то время как зло будет представлять болезненное исключение, которое под всемогущим влиянием морализованного общественного мнения будет все реже и реже встречаться.

t) Старики, неспособные к труду и больные, окруженные заботами и уважением, сохраняя все политические права, будут пользоваться обильным содержанием и полным уходом за счет общества.

11. СВОДКА ОСНОВНЫХ ИДЕЙ ЭТОГО КАТЕХИЗИСА

a) Отрицание бога.

b) Почитание человечества должно заменить культ божества. Человеческий разум признается единственным критерием истины, человеческая совесть — основой справедливости, индивидуальная и коллективная свобода — источником и единственной основой порядка в человечестве.

c) Свобода индивида может быть осуществлена лишь в равенстве всех. Осуществление свободы в равенстве есть справедливость.

d) Безусловное исключение принципа авторитета и государственной необходимости. *Свобода должна являться единственным устрояющим началом всей социальной организации, как политической, так и экономической. Общественный порядок должен быть совокупным результатом развития всех местных, коллективных и индивидуальных свобод. Следовательно, вся политическая и экономическая организация в целом не должна, как в наши дни, исходить сверху вниз, от центра к периферии по принципу единства, а снизу вверх, от периферии к центру, по принципу свободного объединения и федерации.*

e) *Политическая организация. Упразднение всякой официальной — охраняемой и оплачиваемой государством — церкви. Абсолютная свобода совести и культура с неограниченным правом для каждого строить храмы своим богам и оплачивать свое духовенство. Абсолютная свобода религиозных ассоциаций, которые, впрочем,*

не должны обладать никакими гражданскими и политическими правами и не могут заниматься воспитанием детей. *Упразднение и банкротство централизующего и опекающего государства.* Абсолютная свобода каждого индивида, признание политических прав лишь за теми, кто живет собственным трудом, при условии, что они уважают свободу других. *Всеобщее право голоса, безграничная свобода печати, пропаганды, слова и собраний* (как для частных, так и для общественных собраний). *Абсолютная свобода союзов*, причем, однако, юридическое признание дается лишь тем из них, которые по своим целям и внутренней организации не стоят в противоречии с основными началами общества. *Абсолютная автономия общин с правом самоуправления и даже издания собственных законов*, поскольку таковые соответствуют принципам, лежащим в основе строя провинции, раз данная община желает входить в состав федерации и пользоваться гарантией, предоставляемой провинцией. *Провинция должна представлять лишь федерацию общин.* Автономия провинций по отношению к нации с правом самоуправления и издания законов, поскольку таковые соответствуют основным принципам национального строя, если провинция желает принадлежать к федерации и пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией. *Нация должна представлять лишь федерацию провинций, желающих добровольно к ней принадлежать*; она обязана уважать автономию каждой провинции, но в то же время она вправе требовать, чтобы строй и сепаратное законодательство провинций, принадлежащих к федерации и желающих пользоваться гарантиями, предоставляемыми нацией, соответствовали в существенных пунктах национальному строю и законодательству, чтобы в делах, касающихся взаимоотношений провинций и общих интересов нации, каждая провинция выполняла декреты, принятые национальным парламентом и сообщенные ей национальным правительством, и чтобы каждая провинция подчинялась решениям национального суда, с оговоркой ее права принести апелляционную жалобу международному суду, когда таковой будет учрежден. При отказе повиноваться в одном из этих трех случаев провинцию ставят вне закона и национальной солидарности, и, в случае нападения с ее стороны на одну из федеративных провинций, национальная армия внушает ей должное благоразумие.

Отмена так называемого исторического права, права завоевания и всякой политики, направленной на округление, расширение, славу и внешнее могущество государства. Благосостояние и свобода наций — солидарны, и каждая должна искать своей мощи в свободе. Национальная независимость есть национальное, неотчуждаемое право, как независимость отдельного лица есть таковое же его право; она должна быть священна на основании этого факта, а не на основании исторического права. Из того, что какая-либо страна была объединена с какой-нибудь другой страной в течение нескольких столетий, хотя бы и добровольно, не следует, что она должна и впредь терпеть это объединение, если она того не желает; ибо прошлые поколения не имеют никакого права отчуждать свободу настоящего и будущих поколений. Итак, каждая нация, провинция и община будет обладать безусловным правом располагать сама собою, вступать в союз с другими, порывать прежние и настоящие союзы и вступать в новые, без того чтобы какая-либо другая сторона имела право или интерес ей в этом помешать. Всякое насильственное действие в этой области должно встретить дружный отпор со стороны всей национальной федерации в целом, ибо каждое посягательство на свободу отдельной страны является оскорблением, угрозой, косвенным посягательством

на свободу всех наций. Наконец, *интернациональная федерация и революционная солидарность свободных народов* против реакционной коалиции еще поработанных стран.

f) *Социальная организация*. Политическое равенство немыслимо без равенства экономического. Экономическое равенство и социальная справедливость немыслимы до тех пор, пока в обществе не установлено полного равенства исходной точки для каждого человеческого существа, вступающего в жизнь, равенства, заключающего в себе равенство средств для содержания, воспитания и обучения, а позднее и для применения тех разнообразных способностей и сил, какие природа вложила в каждого отдельного индивида. *Отмена права наследования*. *Фонд общественного воспитания один будет иметь право наследовать*, ибо на нем будет лежать обязанность содержания, надзора, воспитания и обучения детей, от их рождения до совершеннолетия. Так как только труд производит продукты, то каждый должен работать, чтобы жить, в противном случае на него будут смотреть, как на вора. Интеллигентный и свободный труд, основа человеческого достоинства и всех политических прав, и *одиночная работа с каждым днем все более сливаются между собою в сотрудничество*. Поверхность и недра земли, собственность всех, будут в обладании лишь тех, кто их разрабатывает. *Равенство мужчины и женщины во всех политических и социальных правах*. *Упразднение легальной семьи, основанной на гражданском праве и имуществе*. *Свободный брак*. *Дети не принадлежат ни родителям, ни обществу*. *Верховная опека над детьми, их воспитание и обучение принадлежат обществу*. Школа заменит церковь. Ее задача — *создать свободного человека*. Уничтожение института тюрем и палача. Уважение к старикам, неспособным к труду, и больным и забота о них.

12. *Революционная политика*. Наше основное убеждение заключается в том, что так как свобода всех народов солидарна, то и отдельные революции в отдельных странах должны тоже быть солидарны; что отныне в Европе и во всем цивилизованном мире нет больше революции, а существует лишь одна *всеобщая революция*, точно так же как существует лишь единая европейская и мировая реакция; что, следовательно, все особые интересы, все национальные самолюбия, притязания, мелкие зависти и вражды должны теперь слиться в одном *общем, универсальном интересе революции*, которая обеспечит свободу и независимость каждой нации через солидарность всех наций; что далее священный союз мировой реакции и заговор королей, духовенства, дворянства и буржуазного феодализма, опирающийся на огромные бюджеты, постоянные армии, обширную бюрократию, располагающий всеми теми ужасными средствами, которые дает им современная централизация с ее привычкой, так сказать, рутиной ее приемов и правом конспирировать и основывать все свои действия на законе, что все это — чудовищный, грозный, губительный факт и что для того, чтобы бороться с ним, для того, чтобы противопоставить ему столь же мощный факт, для того, чтобы победить и уничтожить этот заговор, требуется по меньшей мере такой же революционный союз и действие всех народов цивилизованного мира.

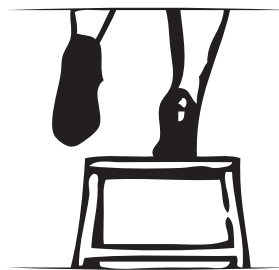
Против этой мировой реакции *изолированная революция отдельного народа не может иметь успеха*; она была бы безумием, а следовательно, ошибкой, для самого этого народа и изменой и преступлением по отношению ко всем остальным. Отныне восстание каждого народа должно происходить не с точки зрения его интересов, а с точки зрения интересов всего мира. Но дабы одна нация могла восстать таким

образом во имя всего мира, она должна иметь и мировую программу, достаточно широкую, глубокую и истинную — словом, достаточно общечеловеческую программу, охватывающую таким образом интересы всех и возбуждающую страсти всех народных масс Европы, без различия национальности, — *а такой программой может быть лишь программа демократической и социальной революции.*

а) *Цель демократической и социальной революции* может быть формулирована в двух словах: *политически* — это отмена исторического права, права завоевания и права дипломатического. Это — полное освобождение лиц и ассоциаций от ига божественного и человеческого авторитета, — полное разрушение принудительных объединений и сочетаний общин в провинции, провинций же и завоеванных стран в государстве. Это, наконец, — полное коренное упразднение централистического, опекающего, авторитарного государства со всеми его военными, бюрократическими, правительственными, административными, судебными и гражданскими установлениями. Одним словом, это — *возвращение свободы всем — лицам, коллективам, ассоциациям, общинам, провинциям, областям, нациям и взаимная гарантия этой свободы посредством федерации.*

С социальной же точки зрения это — подкрепление политического равенства при посредстве равенства экономического. В начале жизненного поприща каждого человека лежит равенство исходной точки, не природой данное, а равенство социальное для каждого, т. е. равенство средств содержания, воспитания и обучения для каждого ребенка того и другого пола до достижения им совершеннолетия.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Революционный катехизис
1866 г.

<https://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm>

ru.anarchistlibraries.net